

Ника Созонова

*Это вовсе не то
что ты думал,
но лучше...*



Ника Созонова

**Это вовсе не то что
ты думал, но лучше**

«Автор»

2026

Созонова Н.

Это вовсе не то что ты думал, но лучше / Н. Созонова —
«Автор», 2026

Трубой назывался подземный переход у Гостиного двора - место сбора уличных музыкантов. И я была обитателем Трубы в мои шестнадцать... Почти документальное повествование о реальных людях перемежается сказочным сюжетом.

© Созонова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Нетти	6
Глава 2 Абрек	15
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ника Созонова

Это вовсе не то что ты думал, но лучше

Пролог

'...Это вовсе не то, что ты думал, но лучше'
повесть о Питере и о 'Трубе'

Меня зовут Росси. Это сокращенное от Рассвет. Так меня называют те, кто сейчас рядом, а раньше, верно, меня именовали по-другому. Родители, которые у меня, конечно же, были, не могли назвать свою дочь Рассветом, им это и в голову бы не пришло. Я была Машей, или Ирой, или Аленой, я уж не помню.

Как-то утром, довольно давно, по обыкновению с трудом разлепив веки и мучаясь от укоров совести, я подумала: а зачем мне помнить то другое время, когда я ходила не в разодранных джинсах и футболке с надписью 'анархия', а в капроновых чулках и бежевом шарфике? Сказано – сделано. Я сосредоточилась на мысли, что не хочу ничего помнить из прошлого, и ... забыла. Такой уж у меня организм: что бы я ни приказала ему, всё выполнит. Надо опьянеть – забалдею с глотка пива, а если надо оставаться трезвой, то и бутылка водки не свалит.

Я живу в Питере и порой ловлю себя на желании рассказать кое-что о своей жизни, о нас. Я хочу, чтобы знали не только о питерских домах и дворцах, но и о питерских подвалах, чердаках и крышах, пологих крышах в центре города, залитых горячим солнцем и покрытых коричневой облупившейся краской. Чтобы замечали не только людей, спешащих по своим скучным делам, корпящих в конторах и офисах, но и музыкантов, играющих в подземных переходах. Чтобы не отворачивались брезгливо при виде парней и девчонок, чьи органы проспиртованы насквозь, а вены истерзаны шприцами с героином и амфитаминами. У каждого своя жизнь, и каждый прожигает ее по-своему. Я не прошу делать выводы, что плохо и что хорошо. Лишь надеюсь, что после моего рассказа кто-то взглянет на мой мир чуть-чуть по-другому.

И да поможет мне ветер в этой затее...

Глава 1 Нетти

На собаках летаешь в Москву,
на железных 'волках' до Горбушки.
На душе сто колец, два тату,
да на память косуха подружки...
ДДТ

Она была одной из первых, с кем я познакомилась и начала общаться в 'Трубе'.

Волосы с рыжиной, прямые, как соломинки, серые в крапинку глаза. Больше всего меня поражала и цепляла ее улыбка, открытая, детская и какая-то слишком тёплая, что ли. Нетти – профессиональный 'аскер'. Она 'аскает' так легко и непринужденно, будто дышит или говорит. Я ей благодарна: она научила меня многому а этом непростом деле.

– Нетти, почему ты не живешь дома?

Моя голова покоится на ее коленях. Я жутко хочу спать, но знаю, что делать этого нельзя ни в коем случае.

– А что я там забыла? – задает она встречный вопрос.

– Ну, как же? Ты же питерская. Могла бы, в принципе, хоть изредка и дома мелькнуть.

– Знаешь, когда я там мелькала, меня тут же отправляли в психушку. А там – там мне совершенно не нравилось!

– А с каким диагнозом тебя туда забирали?

– Я не вчитывалась в свою историю болезни. Честно сказать, я в нее даже не заглядывала. Но, знаешь, порезанные вены, наверное, не плохой повод для путешествия на 'Пряжку'.

– А зачем?..

– Сдуру. Маленькая была, влюбилась безответно. А когда поставили на учет – отправляли туда уже просто так. Без повода. Для подстраховки...

– Козлы...

Звучит не очень уважительно по отношению к ее родителям, но я и впрямь так считаю. Нетти – самая спокойная, не истеричная, бесппроблемная девочка в 'Трубе'. И еще она самая чистенькая и ухоженная среди нашей братии. Волосы всегда вымыты, блестят и благоухают. Это потому, что у нее много каких-то тетюшек-бабушек, к кому она всегда может придти – вымыться, вкусно поесть, отоспаться.

Нетти двадцать, она старше меня на четыре года. Поэтому относится покровительственно, как кошка к котенку. Но меня это ничуть не напрягает.

– Солнышко, а зачем мы живём? – Я смотрю на небо, и совсем не нужные, неправильные вопросы зачем-то слетают с моих губ.

– Не знаю, как ты, а я живу, потому что так задумано природой или Создателем. Я дышу, потому что меня этому научили еще до рождения, смеюсь, потому что рядом со мной те люди, которые меня не раздражают и не напрягают. Я думаю, потому что так удобнее общаться. И вообще, что это за вопрос: зачем? Чтобы было кому обо мне вспомнить потом, за чертой, когда я перестану быть кем-то и стану никем. Жизнь – это постоянный диалог, и когда закончатся все заготовленные мной слова, я, наверное, умру.

– Странно... Мне сегодня так хорошо, несмотря на то, что глаза слипаются, а рот только тем и занят, что распахивается в зевке. Почему?

Нетти не отвечает. Снизу, с моего ракурса, у нее круглая, как апельсин, щека в золотистом пушке.

– Пойдём! – Она неожиданно вскакивает, стряхивая мою голову с колен, как ненужный груз.

Я звучно стучаюсь затылком о скамейку и обиженно бурчу:

– Больно же...

– Пойдём, там уже наверняка кто-то есть!

Группа туристов, финнов или немцев, с любопытством уставились на двух девчонок в черных футболках и рваных джинсах, плавно выплывающих из садика перед 'Казанью'.

Мы подползли к метро и устроились на поребрике, под вывеской 'Гомеопатическая аптека'. Тут сидело уже немало наших. По кругу, весело булькая, бродила тёмно-зелёная бутылка портвейна (кажется, 'Три топора'). Разговор тек живой, эмоциональный, прерываемый то и дело выкриками и широкими взмахами рук. Кажется, назревала драка.

Как обычно, в самом центре ее находился Абрек. Ну почему ни одна мало-мальски приличная заварушка не обходится без этого парня, по-обезьяньи обаятельного, похожего на молодого Челентано?.. Впрочем, нет: и обезьяну, и Челентано он напоминает лишь внешне – подвижностью, низкорослостью, живейшей мимикой. Внутри же у него таится хищник – с глазами цвета солнца, просвечивающего сквозь стакан с крепким чаем.

В трезвом виде Абрек (он же Брейки) вполне удобоварим для общения. Но алкоголь или 'травка' полностью срывают у него крышу. Стоит задеть его в таком состоянии, завести – а это совсем не трудно – и он становится похожим на смерч, не управляемый ни изнутри, ни извне. Даже парни в полтора раза выше и в два раза накачанней пасуют перед ним.

Ох, Абрек... Много бы я могла рассказать о нем, но лучше потом.

Вникать в суть возникшей проблемы мне лень. Нетти, по-видимому, тоже. Так как никто из ребят сейчас не играет и делать здесь, в принципе, нечего, мы решаем побродить по Невскому.

Гудят машины. Сверкают под летним жарким солнцем крыши домов. Город дремлет, погруженный в послеполуденную сиесту, а машины и пешеходы – его монотонные сны. Я окунаюсь с головой в его энергию – душную, вязкую. Черпаю ее ладонями и пью, пью, не отрываясь.

– Я очень люблю Питер!!!

Мой крик напугал движущихся по своим продуманным траекториям прохожих. Я толкнула Нетти в бок, и она, поддерживая меня, заорала в свою очередь:

– Я тоже тебя люблю, гранитный город, несмотря на то, что ты самое большое болото в этой долбаной стране!..

– Да, ты чертова дыра, в которую так легко угодить и из которой так трудно выбраться! Но, слышишь – я люблю тебя!!! Питер, а ты?!

Люди уже не просто шарахались, они обходили нас метров за пять, как прокаженных или буйно-душевнобольных.

– Я пить хочу, – отдышавшись, объявила я подруге.

– Ну, и что я сделаю? – Нетти пожала плечами.

– 'Аскни', пожалуйста, солнышко! У меня в горле все пересохло, словно пустыня Сахара какая-то.

– Ладно.

Она огляделась в поисках подходящей жертвы. А я уставилась на нее – всегда приятно посмотреть на 'аскающую' Нетти, пусть даже свободным 'аском'. И полезно.

– Молодой человек, постойте! Простите, у вас не будет какой-нибудь мелочи? Буквально, рубля-двух? Как зачем? Бедным умирающим от жажды девушкам на лимонад. Да, спасибо, этого конечно хватит. Удачи вам!..

– Девушка, девушка, постойте, ну неужели вы так спешите... Ах, какая вы грубая, леди, так нельзя. Я к вам со всей душой, а вы меня куда послали?..

Спустя пять минут Нетти высыпала мне в ладонь звонкую горстку и даже одну десятку бумажкой. Хватило на лимонад и пачку чипсов – живем!

Мы побрели дальше. В разговорах ни о чем и сплетнях об общих знакомых время летит быстро.

– Слушай, а как ты сюда попала? Я имею в виду – в 'Трубу'?

– А я не помню. Это было давно, шесть лет назад. Я тогда была маленькая и глупая.

– А теперь большая и умная! – Я глупо хихикнула.

Нет, жара явно не на пользу моим мыслительным способностям. Она превратила мои мозги в подобие плавленного сырка, что с ее стороны не очень порядочно.

– Нет. Пожившая и измученная, – подруга испепелила меня взглядом.

– Ладно-ладно, не дуйся! Я же не со зла – просто перегрелась немного. Вот и говорю непонятно что.

– Забей. Пойдём, наверное, Леший или Сэнс уже на месте, хотя бы музыку послушаем!

Мы вновь заструились к аптеке, нашей негласно выбранной точке сбора.

– Какая духота! – выдохнула Нетти. – Семь часов вечера, а небо так и давит... Наверняка гроза разразится.

Я лишь замученно кивнула.

Судя по гитарным аккордам и количеству народа, кто-то из музыкантов уже подтянулся.

– Привет, Росси! – Меня чуть не сбила с ног невысокая девчонка с ярко-лиловыми восторженными волосами.

– Привет, Вижи! – Я радостно чмокнула ее в подставленную щеку.

Вижи – сокращенное от Движок – одна из самых ярких обитательниц 'Трубы'. Ей всего пятнадцать, но она знает практически всё обо всех. Не девчонка, а сплошной сгусток энергии, ходячая батарейка 'энерджайзер'. Ее иногда трудно понять – так быстро она говорит, при этом постоянно перемещаясь в пространстве. Подвижностью, вихреобразием она смахивает на Абрека – кстати, своего бой-френда на данный момент.

– Как твое ничего? – поинтересовалась я.

Вижи широко улыбнулась. Чуть приплюснутый нос, узкие стремительные глаза – океан обаяния.

– Да, в общем-то, все о-ки. Слушай, ты сегодня где вписываешься?

– Не знаю.

– Давайте с Нетти к нам, в Хижину!

– А как ребята к этому отнесутся? Там же и так до фиго народу толпится.

– Я не думаю, что они вообще что-нибудь заметят. Двумя больше, двумя меньше – какая разница?

– Ну, хорошо! Только ты, когда трогаться соберешься, и нас цепляй заодно.

– Лады!

Вижи испарилась, затерявшись в чьих-то спинах и лицах. А я, урвав у кого-то глоток пива и приказав себе сегодня ни за что не пьянеть, принялась слушать и разглядывать окружающих. В основном все знакомые, но есть и чужие – затесавшиеся на несколько минут фигуры прохожих, что остановились насладиться уличным пением и поглазеть на неформалов.

Есть выбор – можно слушать, сидя на корточках и опершись спиной о стену, кого-нибудь из троих. В глубине перехода играет Рысь. У нее громкий металлический голос. И все песни – про волков, задыхающихся от беготни, про оргазм, который испытывает в момент взрыва террорист-смертник, про байкеров, врывающихся пулями в рыхлое, душное тело ночи. Долго слушать ее тяжело – начинает звенеть в ушах. Рысь зарабатывает лучше всех в 'Трубе' – у нее аж два личных 'аскера', два хорошеньких мальчика в черном, улыбчивых и приставучих.

У самого выхода из подземки, как обычно, расположился Вискас. Голос у него тихий, на лице глумливая улыбка 'под Лагутенко', тематика вампирская:

Отращу себе верхние зубы, два клыка – до длины отменной,
И на промысел тихий выйду в ночь, родимую, как сестра...

'Аскера' он себе не заводит – из экономии и нелюдимости. Любителей его песен мало, да и слова не всякий расслышит. Пару раз я 'аскала' ему – по собственной инициативе, бесплатно, не в силах смотреть на жалкую горстку металла в бумажной коробке. Сейчас на подобный подвиг не тянет: жара, лень. Да и удовольствия никакого, даже морального.

На улице, в пяти метрах от перехода играет Сэнс. Его обычное место – у витрины ювелирного магазина. Он редко поет своё, чаще 'Сплин', 'Агату' и 'Нау', но и своё и чужое – одинаково здорово.

Текли песни, текло пиво сквозь гортань в желудок, тихой сапой струилось время. Я и не заметила, как прошло часа три, и очнулась только когда ребята принялись упаковывать гитары, собираясь уходить. Народ озабоченно поглядывал на небо – его сплошь заволокло тучами, а я вспомнила о том, что с самого утра хочу спать.

'Пора тянуть девчонок и рвать в Хижину, иначе точно вымокнем!' Нашла я их до странности быстро: вместе с Патриком они накачивались алкоголем средней крепости в нашем любимом дворике, в двух шагах от 'Трубы'. Здесь всегда прохладно и малоллюдно, и полностью отсутствуют как маленькие дети, так и вредные старушки, что дает возможность уединения для самых различных надобностей. Я с трудом оторвала девчонок от недопитой бутылки (под обиженное ворчание Патрика) и поволокла – чувствуя себя наполовину бурлаком, наполовину ломовой лошадыю – к Хижине.

И тут грянуло. Всё началось с резкого порыва ветра, пахнущего заливом. После жары, плавящей нас весь день, он показался ледяным. Небо, почти черное от туч, разорвало золотым ногтем молнии. Грохотнуло так, что на секунду мне показалось, что земля вылетела из-под ног.

– Бежим!!! – завопила Нетти.

И мы рванули.

Крупные капли забарабанили по асфальту. Я ловила их ртом, одновременно пытаюсь стащить кроссовки и кинуть их в 'хламник'. Я не заметила, в какой момент одиночные капли превратились в сплошную тяжелую пелену. Помню лишь, что завопила от восторга во весь голос, и девчонки вторили мне. Мы закатали джинсы, мы разбивали босыми ступнями только что образовавшиеся лужи, мы орали от полноты чувств, и люди, закутанные в плащи, люди под разноцветными зонтами и надвинутыми на глаза капюшонами смотрели на нас с изумленными и насмешливыми улыбками и покачивали сухими головами.

Мы носились по городу под неслабеющий ливень и собственные вопли чертову уйму времени. Я воплотила в жизнь давнюю мечту: взобралась по хвосту и извивам змеи на скользкий широкий круп Медного всадника и гарцевала на нем, держась за плащ императора. Поскуливая от восторга, Вижи присоединилась ко мне. Ловкая, как обезьянка, она умудрилась взгромоздиться Петру на плечи, по-свойски шлепая его по развевающимся кудрям и выпученным глазам. Нетти, как более осторожная, стояла внизу, озираясь по сторонам: чтобы нам успеть дать деру, прежде чем стражи порядка потащат в отделение за хулиганство. Но какие могут быть стражи порядка, когда творится такой вот небесный беспредел?..

Основатель Питера, кажется, ошалел от нашей фамильярности. Но ему, стопудово, льстило столь тесное общение с двумя симпатичными девчонками. Мне показалось, что он вздохнул с сожалением, когда мы с Вижи, понукаемые заждавшейся законопослушной Нетти, наконец-то спрыгнули с медного чудища на землю...

Мы доползли до Хижины мокрые, усталые и грязные, как подзаборные дворняги, но донельзя счастливые.

Дверь открыл Красавчик – судя по всему, не вполне трезвый, разбуженный и потому злой. Он был похож одновременно на падшего ангела и на заспанного кузнечика (довольно странное сочетание!) Вообще-то, Красавчик один из самых ярких людей в 'Трубе', но сегодня был явно не его день. Большие глаза почти исчезли под припухлыми веками, немытые волосы торчали в разные стороны, как свалившаяся шерсть больного зверя, у которого уже нет сил привести в порядок свою шкуру.

Красавчик угрюмо воззрился на нас, и мне стало не по себе под этим негостеприимным взглядом. Пришлось пережить несколько неприятных секунд в мыслях о том, где провести сегодняшнюю ночь, пока до меня не дошло, что ему по барабану, куда смотреть, и он просто продолжает спать стоя, с открытыми глазами.

– Слышь, ты, – Вижи ткнула пальцем ему в живот, отчего он вздрогнул и вроде как проснулся. – У тебя сухие шмотки есть?

– Посмотри в шкафу, – Красавчик мотнул головой в сторону кухни, а сам уплыл в комнату, досыпать.

Мы прошли на кухню. Вижи, нырнув в старый платяной шкаф, раскопала ворох не совсем чистых, но сухих тряпок. Пока мы с Нетти переодевались в мужские штаны и рубашки и сушили возле газовых горелок волосы, она то растворялась в темном чреве квартиры, то вновь возникала перед нашими слипающимися глазами. Наконец Вижи дернула нас куда-то, сообщив шепотом, что нашла местечко как раз для трех худеньких девушек. И мы побрели за ней, стараясь не наступать на спящие тела.

Нас не удивляло, что народ в отрубе, хотя время детское – около одиннадцати вечера. Такое уж это место – Хижина. Здесь не существует естественных временных ритмов, как и прочих регламентов. Здесь можно не спать сутки, а то и двое, а можно – как сейчас – сладко и дружно храпеть под шум ливня, невзирая на раннее время.

– Я труп, – шмякнувшись на матрас, я наконец-то закрыла усталые глаза.

Несколько минут я пребывала в относительном покое, а затем почувствовала свежий запах нескошенной травы. Яркий свет проникал сквозь закрытые веки. 'Началось! Да дадут мне сегодня выспаться или нет?!' Я села и огляделась по сторонам. Мирная зеленая лужайка, ласковый ветерок, солнышко, пасущееся козы... короче, сплошные розовые сопли. Ну, и Спутник, конечно. Тут как тут.

Это началось с месяц назад. Я уже не помню, где тогда вписывалась, помню лишь, что лежала на полу. Закрыв глаза, плавала в сладостной дреме, предшествующей глубокому сну, как вдруг услышала над ухом чужой голос:

– Привет!

Я подскочила как ошпаренная. Вот это да!.. Засыпала я в самой обыкновенной питерской квартире (пусть не очень убранной и чистой), теперь же утопала в осенних листьях. Они лежали толстым слоем на полу странной комнаты – без дверей, но с двумя окнами, расположенными напротив друг друга. По комнате плавно кружились, вздымаясь вверх, всякого рода предметы. Я задрала голову и увидела, что все они стремились под потолок. Или куда-то еще выше, так как потолка, при всех усилиях, я разглядеть не смогла. Словно находилась на дне глубокого и широкого колодца без воды.

Мимо моего лица медленно пролетели песочные часы. Длинная черная ряса попыталась утащить меня с собой, цепляясь рукавами за волосы. Я ухватила за толстую ножку куклу с восковым лицом, наполовину оплывшим и бесформенным. Она открыла один глаз, и из беззубого рта вылетело скрипучее подобие слова 'мама'. Это было жутко, и я завизжала. Визжала я долго, с чувством, с пафосом и артистизмом, в уме отмечая при этом, что движется и парит всё вокруг, за исключением меня и опавших листьев, плотным ковром лежавших в ногах.

– Привет! – снова раздался тот же голос, откуда-то из-за моей спины.

Я прервала ор (одно дело – визжать для себя и для пустого пространства с плавающими вокруг предметами, и совсем другое – для постороннего слушателя, пусть даже он является самой бредовой галлюцинацией из всех, когда-либо посещавших меня) и обернулась. Передо мной в воздухе висел рояль. Именно висел, в полуметре от слоя сухих листьев, а не плыл, летел или скачками возносился под потолок, как остальные предметы в этой дурацкой и чересчур яркой галлюцинации. Рояль был обычный, белый, с золотыми буквами 'Красный октябрь' над пюпитром. На нем сидел, свесив вниз ногу, некто. Пожалуй, человек – во всяком случае, крыльев, шерсти, копыт и рогов у него не обнаруживалось. Выглядел он, мягко сказать, странно.

На лице, а может, чем черт не шутит, рыле, морде или даже, не дай бог, грызле была фарфоровая маска, из тех, какие носят на карнавале в Венеции. Только в отличие от карнавалых на ней не было отверстий для глаз – глаза были нарисованы. Маска улыбалась и, судя по всему, собиралась улыбаться вечно. Ну ладно, фарфоровый лик с золотыми разводами на скулах и тонко выписанными глазами – это, конечно, красиво. Но, скажите пожалуйста, почему же тогда на его теле не шелковая хламида какого-нибудь Пьеро, а кожаная куртка, расклешенные штаны и ковбойская шляпа? При этом он был босиком. Одежда выглядела грязной и рваной, но больше всего меня потряс вид измазанной в глине босой пятки на фоне идеально белого, блестящего бока рояля.

– Ты кто? – задала я вопрос, обычно первым приходящий в голову в подобных ситуациях.

– Твой собеседник, твоя фантазия, твоя совесть – называй, как хочешь.

Голос говорившего был так же выразителен, как и его вид. Глубокий, тихий до шелеста, и в то же время с подспудным рычанием. А когда он повышал его – от вибрации маски у губ становился не по-людски гулким.

– Я сплю?

– Не совсем. Я бы сказал, ты находишься в том состоянии, когда душа еще не отделилась от тела, чтобы начать странствие по ночным мирам, а мозг уже расслабился и перестал контролировать подсознание.

То, что мой мозг расслабился, я заметила сразу, как сюда попала. Вот только куда испарился мой здравый смысл, прихватив за компанию, чтобы, видимо, не скучать в дороге, мой скептицизм – этого уразуметь я не могла.

– Зачем столько эмоций, девочка? Это вредно для твоего психического и физического здоровья.

Поймав на лету стакан с чем-то рубиново-красным, он перевернул его вверх дном. Жидкость блестящей лентой заструилась вниз, неторопливо и вальяжно, так, что в какой-то момент показалась мне змеей, тянущейся к опавшим листьям. Незнакомец расхохотался.

– Что ж, можно и так. Хотя мне она больше напомнила ленточку для волос, надетую в честь Первомая.

Я с ужасом уставилась на перевернутый стакан в его руке, из которого, шевеля раздвоенным язычком и гипнотизируя меня неподвижными зрачками, медленно вытекала... нет, все-таки выползала рубиновая змея. Покачавшись из стороны в сторону, она поменяла направление и, предпочтя опавшим листьям неизвестно где затерявшийся потолок, заструилась вверх. Отпущенный стакан одиноко поплелся следом, поворачиваясь из стороны в сторону и блестя выщербленными краями. Я задумчиво проводила его взглядом.

'Кажется, у меня начинает съезжать крыша. Во всяком случае, таких бредовых и при этом таких ярких и реальных снов я в жизни еще не видела'.

– Это не сон, – мягко проговорил незнакомец.

– Хорошо-хорошо, пусть это не сон, как ты говоришь. Но объясни, почему я должна верить собственной галлюцинации?

Он расхохотался. Звонко, сильно. Странные для этого места звуки острыми камушками забились о мои барабанные перепонки. Смех нарастал. Казалось, его волна вот-вот накроет меня с головой. Он был осязаемым и упругим, я задыхалась под его тяжестью.

Предметы, плавно летевшие под потолок, внезапно поменяли свои траектории и рванули ко мне. Я обхватила голову руками, защищая ее от песочных часов, портсигара, пепельницы... Что-то больно стукнуло меня по затылку, что-то оцарапало руку. Неподвижным остался лишь рояль с сидящим на нем существом, да листья на полу.

– Что ж, пусть будет галлюцинация, – смех оборвался так же внезапно, как и начался. – Ну, а теперь мне пора – иначе твоя бедная крыша и впрямь не выдержит такого перенапряжения и съедет на сторону. А потом упадет на пол...

Передо мной промелькнули босые грязные пятки, исчезнувшие в золотистом ковре листьев. Казалось, он просто нырнул головой вниз со своего рояля. От того места, где он исчез, поднялась воздушная волна. Через секунду я была окутана роем остропахнувшей шуршащей листвы. Меня закружило, изгибая тело под немыслимыми углами, а потом я провалилась во что-то мягкое.

Далее же начался самый обыкновенный, яркий и красочный, но вполне привычный мой сон.

И вот с той самой ночи каждый раз перед тем как я засыпаю, я вижу его. В разных мирах и пространствах, чаще всего смахивающих на декорации к пьесам абсурда. В разных одеждах – начиная от древнеримской тоги и заканчивая скафандром. Но всегда на лице его одна и та же венецианская маска, а одеяние отличается потрепанностью и не блещет чистотой.

Он упорно отказывался огласить свое имя или кличку, заявляя, что не имеет таковых. Я пыталась придумать сама, чтобы хоть как-то его называть. У меня обычно это получается: два-три новичка в 'Трубе' обрели клички с моей легкой руки (легкого языка), но сейчас дело застопорилось. Я перебрала многие, от Ночного Глюка до Локи (скандинавского плута), от Сэра ЛСД до Атума (самый непонятный египетский бог, сумевший родить сам себя). Пробовала называть его Принесенный Ветром, но это было слишком длинно. Сокращенный вариант – При-вет, звучал несерьезно. В конце концов, обессилив, стала звать его просто Спутником. Раз уж он прицепился ко мне и, по всей видимости, не собирался в ближайшее время отвязываться.

Сегодня Спутник был облачен в нечто зеленое, обтягивающее его стройную фигуру и подчеркивающее принадлежность к мужскому полу. Больше всего его наряд напоминал мультишных разбойников времен Робин Гуда. Особенно комично смотрелись заляпанные землей колени и шикарная дыра на плече.

– Дадут ли мне когда-нибудь выспаться? – хмуро повторила я.

– А ты действительно этого хочешь, малышка? Я всегда думал, что тебе доставляют удовольствие наши еженощные беседы и путешествия.

– Да, но только не сегодня – я слишком набегалась и устала.

– Ты хочешь, чтобы я ушел? – Голос звенел – то ли от сдерживаемого смеха, то ли от вибраций маски. – Ладно, сегодня я не буду мучить тебя сложными вопросами и путешествиями, а просто расскажу сказку. ОК?

– Ладно!

Я сначала присела, а затем и прилегла на дивно мягкую травяную подстилку. Сверху на меня глядело и периодически меланхолично подмигивало солнце. (Это не метафора, а констатация факта: у солнца действительно были глаза, грустно-карие и по-собачьи преданные.) В небе медленно пролетели, пронзительно крича, два крылатых существа – помесь гуся с птеродактилем. Подо мной, под опершимся на него локтем, обиженно заворчал недовольный чем-то булыжник. Ладно, могло быть и хуже. Бывали мы в мирах, где из моря цвета ртути на грязно-

бурый берег вылезало такое... даже во сне, и то дрожь берет. А тут – солнышко мигает, камушек под боком бурчит, очень мило и вовсе даже не страшно.

– Ну, рассказывай, – я тяжело вздохнула, изображая покорность, и прикрыла глаза.

– "Это было очень давно и очень далеко отсюда. Там, где лик солнца, поднимающегося из-за горизонта, красен, как кровь, бьющая из разорванной артерии, а небо темно-лилового цвета – как сутана всеми проклиняемого мага. Год в том мире состоял из двухсот дней, и сто восемьдесят из них небо было затянуто чешуей туч, а земля была настолько напитана дождями, что не могла уже принимать в себя влагу, и та струилась по ней грязными плетями ручьев и речушек с мутной горькой водой.

Девушка, о которой речь, жила в городке с узкими улочками, где не могли разъехаться две лошади, где стены домов были серыми, как и лица прохожих, спешащих куда-то по своим бесконечным неважным делам. Она была худа и, как все, серолица. Похожая на летучую мышь с большими мягкими глазами, она казалась состоящей из неправильных линий и углов. Тонкая шея, узкие плечи, торчащие лопатки – цыпленок с пепельными волосами. В их мире, где дельфины рисовали и сочиняли музыку, а человечество было одной из тупиковых ветвей на древе эволюции, она принадлежала к тем немногим, кто еще поднимал взгляд вверх, на небо, а не упирался глазами в землю в надежде отыскать что-нибудь ценное или полезное.

Однажды этот мир окутала тьма. Она пришла из ниоткуда, непрошенной гостьей, накрыла города и сёла, и не стало больше дней и ночей, закатов и рассветов. И девушка перестала поднимать голову – наверху не было ничего, кроме бездны мрака, а если долго смотреть в бездну, голова может закружиться, а сердце остановится и кровавым комком подкатится к горлу.

Потом пришел голод – зверь с гноящимися глазами и полинялой шкурой, прилипшей к ребрам. И другой зверь – холод, что лизал окна, и они покрывались белыми узорами. Ручьи и речушки превратились в ледяных змей – в полной тьме люди скользили и разбивались. Холод просачивался в дома сквозь щели в дверях и окнах и ложился у каминов и печей. И ласковый огонь отступал перед его ненасытным дыханием...

Голос Спутника был спокойным и невыразительным, слова текли плавно и ровно. Ему бы не сказки рассказывать, а научную лекцию с кафедры читать.

– '...Девушка осталась совсем одна: мать ее не выдержала тьмы, отец – холода. И пошла она к своей тетке, мудрой пожилой женщине. Девушка шла на ощупь, медленно, шла и плакала, и слезы замерзали на щеках бисеринками льда. Тетка тоже готовилась умереть и не вставала уже с холодной постели. Она посоветовала племяннице уйти из города, оставить страну и поискать потерянный свет в иных краях.

Три леса прошла девушка и встретила трех колдуний. Первая из них за ночлег и пищу потребовала у нее страх, вторая – печаль, а третья – сожаление. С радостью отдала она всё это, удивившись такой странной оплате. Но с исчезновением каждого чувства исчезала и его противоположность. Так она лишилась беспричинного смеха, радости и восхищения.

И вот, наконец, подошла она к черному замку. Это был сгусток высокой прямоугольной тьмы, еще более непроглядной, чем окружающий воздух. Прошла в ворота, призывно распахнутые, как ноги проститутки. В замке была тысяча комнат, наполненных тысячами видов темноты. Там была темнота бесконечная и темнота, ограниченная стенами зала, темнота яркая, от которой болят глаза, и темнота тусклая, затрудняющая дыхание. Девушка долго блуждала, и, наконец, когда она окончательно выдохлась, заметила свет, блеснувший из-под дверей одной из комнат. Свет бросился ей в лицо, ослепил, оглушил. Когда глаза ее привыкли и она открыла дверь, оказалось, что он не такой уж и яркий. На низком столе темного дерева горела керосиновая лампа. В огромном кресле, неестественно скорчившись и вжав в плечи белокурую голову, сидел маленький мальчик. Он обернулся, и если б девушка могла испугаться, она вскрикнула

бы от ужаса: с такой недетской жестокостью и холодной алчностью смотрели его глаза. На припухлых младенческих губах зазмеилась улыбка.

'Ну, здравствуй, милашка, – голос был высокий и дребезжащий. – Ты отдала всё, что могла, ты прошла длинный путь, так скажи же, чего ты хочешь?'

'Я хочу, чтобы ты вернул свет и тепло. Без них все люди погибнут'.

'Они уже погибают, и вскоре человечество как вредный и некрасивый вид исчезнет с этой земли!'

'Исчезнут и птицы, и лошади, и дельфины...'

'Ну и пусть! – злобный мальчик захихикал. – Потом появятся новые'.

'Пожалуйста! Пожалуйста, помоги. Ты ведь можешь помочь, я знаю!'

'Я не помогаю просто так, а у тебя нет ничего, чем ты могла бы заплатить мне'.

'Неужели нет никакого выхода?'

'Выхода здесь три. Вряд ли они тебе понравятся, но всё же ты имеешь право их узнать...'

А через час наступило утро. И все люди, что остались в живых, радовались взошедшему наконец-то солнцу. А девушка больше никогда не появилась в своем родном городе, ни где-либо еще...'

Голос рассказчика смолк. Я распахнула глаза. Солнце подмигивало мне (или у него был тик?) с той же меланхоличностью. Спутник, склонившись над каким-то растением, старательно его изучал.

– Это всё?

– Всё.

– А что же стало с ней, с этой девушкой?

– Этого не знает никто.

– Ну, ты и урод! Рассказал мне сказку без конца. Может, хоть варианты, которые предложил ей зловещий мальчик, поведаешь?

– Мальчик сказал, что солнцем может стать любой, убитый ритуальным ножом. Этот нож лежал у него на столе. Он предложил ей на выбор: убить его, убить себя или убить ещё кого-нибудь, кого она найдет за пределами замка.

– Она, конечно же, убила эту гадину!

– Этого не знает никто. Но мне жаль тот мир, если это существо стало в нем солнцем... Ладно. Я окончательно тебя замучил сегодня, так что – до встречи. Отпускаю тебя в твои сны.

Еще несколько секунд я наслаждалась обществом высокого мужчины в грязно-зеленых одеждах, а затем что-то сверкнуло, щелкнуло, и перед моим взором предстала большая зеленая игуана в фарфоровой маске. Она немного постояла, покачиваясь из стороны в сторону, а затем флегматично затопала в направлении ближайших кустов, где и скрылась благополучно. Да, большая ящерица в маске – это то еще зрелище, скажу я вам!..

Глава 2 Абрек

В моих руках трепещет чья-то плоть,
и мне не ясно, почему.
Мне грустно и как будто безнадежно.
Не верится в реальность этих чувств.
В вопросном море снова полный штиль.
Куда плывут киты? – не знаю...
Т.

Хижина – особое место. Трехкомнатная хатка на первом этаже старого дома у Владимирского собора. Хижина Тети Тома – так оно будет полностью. Кто такая сия тетя Тома – имели смутное представление лишь старожилы. Кажется, старушка, завещавшая квартиру беспутному племяннику. Племянник, то бишь полноправный хозяин жилья, появлялся здесь крайне редко – я, во всяком случае, не встречалась с ним ни разу. Свое время он делил между отдыхом в Скворцово-Степаново и странствиями – как ЛСД-шными, так и реальными.

Станный хозяин и не менее странные обитатели образовали из обыкновенной, требующей ремонта развалюхи специфическое место. Уголок мира, в котором все не так, все перевернуто, вернее, вывернуто под особыми, немислимыми углами. Нечто вроде живого организма, в меру разумного, который отторгает всех, не подходящих ему по 'составу крови', остальных же впитывает в свое ненасытное чрево, наделяя своими вывернутыми качествами.

В Хижине нет времени. Ее слепые глаза-окна плотно забиты фанерой, так что внутри невозможно понять, утро сейчас или вечер, солнечный и ласковый день или ненастная ночь. Освещенная нейтральным светом электрических лампочек, она гладит и прощупывает тебя своими стенами, испещренными рисунками и надписями. Она живет по своим особым законам, и периоды буйства и сумасшествия, разбитых лиц и порванных струн сменяются временами затишья, покоя и скуки, когда можно дремать, забравшись с ногами в глубокое кресло на кухне, или слушать, как попискивают за плитой Семен Семеныч с Марфой (крыски-долгожители).

Я проснулась и хмуро уставилась в потолок, вспоминая в деталях вчерашний день и сегодняшнюю ночь. Вставать не хотелось. Вокруг стояла непривычная тишина, лишь еле слышно шептала гитара, да мягко журчал голос Красавчика. Слов было не разобрать, но напевы явно свои, родные...

Тишину разорвал громкий смех, а затем быстрая-быстрая речь. Так, понятно. Абрек – его интонации, его бас, его манера убеждать собеседника, сокрушая напором слов и жестов.

Абрек, Брейки... Крепко же я в него влюбилась. И безответно. Не было даже коротенького романа, даже намек на флирт. Я лишь смотрела издали, с замиранием сердца слушала его стихи. Блаженствовала, когда он подходил, прощаясь, чтобы чмокнуть в щеку. При этом я всегда осознавала, что он зверь. То есть от зверя в нем больше, чем от человека – при всем его уме и талантах. Я боялась его, и это был сладкий страх, который я смаковала. Его буйная сила, его полная отдача любому чувству, будь то ненависть, отвращение, вдохновение или влюбленность, восхищали и будоражили. Горячий вихрь, который двигается, как танцор, и танцует так же легко, как дышит и говорит... Тьма, свернувшаяся вокруг его шеи, обычно была спокойна, но временами поднимала треугольную голову и шептала ему что-то в ухо, заставляя кровь нестись в венах ошалевшим мотоциклистом и заливать белки глаз.

В темноте, где не видно ни зги,

нервы-струны на арфе тоски.
Захочешь – сыграешь картину безмолвья.
Не сможешь – порвутся струны,
и ты зайдешься плачем, зайдешься воем.
Как много боли среди тишины...

Его строки прожигали меня насквозь, и я безумно завидовала Вижи, которая была с ним. Невзаимная любовь – большая глупость. Она не лучшим образом воздействует на меня – это я поняла лет с тринадцати. Так умоляла в очередной раз: не надо, сердце, не надо, знала же, что опять будет мучительно, но разве можно управлять собственными чувствами? Они, как бурливая речка, периодически выходят из-под контроля, сбивают плотины моих запретов, сносят мосты устоявшейся жизни. И тогда меня подхватывает, несет, разбивая о камни разочарований. Я пытаюсь выплыть, но меня снова и снова накрывают волны разбушевавшихся чувств... С другой стороны, когда я ни в кого не влюблена (редко, но бывает) – это время кажется мне попросту мертвым. Меня начинает одолевает скука от невозможности увидеть во сне знакомое лицо и проснуться с улыбкой. Я пресным взглядом скольжу по толпе, зеваю, от количества увиденных ненужных лиц у меня начинается изжога мыслей и цирроз души.

Надо сказать, я была не оригинальна в своей страсти. Абрек, несмотря на низкорослость и неправильные (мягко говоря) черты лица, был самым популярным парнем в 'Трубе'. Девчонки вешались на него чаще, чем на Красавчика (вполне оправдывавшего свою кличку) и даже на общего любимчика-гения Лешего. На кафельной стенке в подземке, где мы обменивались сообщениями и афоризмами, немало надписей было посвящено ему. 'Клянусь, что Брейки будет моим, чего бы мне это ни стоило!', 'Абрек, а у меня дома есть нераспечатанный бутылек виски...', 'Какая падла пустила слух, что я бегая за Абреком?!', 'Берегись, Брейки, – засушу-присушу, если не будешь пай-мальчиком'...

Помню связанную с ним забавную историю. Как-то месяца два назад Абрека, Вижи, меня и двух девчонок, которые к нему особенно упорно клеились, пригласил в гости какой-то мажор. В то время Абрек и Вижи еще не встречались, только дружили. А я уже влипла. Квартира была большая, где-то в Озерках. Купили ее, по всей видимости, недавно, так как из мебели, пригодной для сна, был только полутораместный диванчик. Не помню, где находился и что делал хозяин квартиры – он испарился из моих воспоминаний (видимо, ничего интересного из себя не представлял). Мы с Вижей оживленно болтали, сидя на полу в одной из комнат. Абрек периодически влетал к нам, прерывая нашу беседу дикими воплями: 'Я не могу так больше, спасите меня!', 'О ужас, они даже целуются одинаково!..' И мы втроем дико хохотали. Спустя пару минут вплывал один 'хвостик', затем другой, и девицы дружно его утаскивали. Нас с Вижей трясли совсем уж гомерические спазмы, до утробного воя и детского поскуливания... А надо сказать, что бедный Брейки до этого не спал двое суток и единственное, о чем он мечтал, – закрыть поскорее глаза.

Наконец одна из барышень затащила вожаемый объект в ванную, а вторая с горя улеглась на полу в кухне, укрывшись неизвестно откуда взявшимся пледом. Мы с Вижей, поскольку была уже глубокая ночь, заняли вакантный диванчик. Было тесновато, даже для двух компактных девушек, но подремать, в принципе, можно.

'Это было отвратительно!' – с такими словами рухнул на наше скромное ложе, и на нас заодно, Абрек. Он бесцеремонно распахнул нас, втиснувшись посередине, так что Вижи чуть не скатилась на пол, а я впечаталась в стенку и почти не могла дышать. И мгновенно заснул. Нам же было не до сна – мы практически не могли пошевелиться. Тут еще его манера располагаться с максимальными удобствами для себя, раскладывая свои нижние и верхние конечности на близлежащих... Некоторое время мы лежали молча, но от безысходности нам стало дико смешно. И мы уже не думали, что и зачем вытворяем, и просто упивались ситуацией. Не

знаю, как Брейки нас не убил. Периодически он поднимал голову и сжимал кулаки с явным намерением пристукнуть кого-нибудь. Мы бросались его умирять: 'Хороший, хороший мальчик, успокойся, все в порядке...' Его кулаки разжимались, и голова с придушенным стоном: 'Суки...' падала на подушку. Мы слышали от него еще несколько изумительных фраз за время нашего двойного сумасшествия. К примеру: 'Вы обе-две обгладиолусовели полностью...' Но пиком этой ночи стала фраза в ответ на мои слова, не может ли он хоть немного подвинуться: 'Да я могу всё, могу даже быть нежным и ласковым, как туннель'. Наконец мы его окончательно достали своим гомоном, и бедный Абрек, пробормотав что-то неразборчиво-матерное, уполз спать на пол...

Ладно, пора просыпаться, решила я, отстегивая от себя ненужные мысли, воспоминания и эмоции. Самое трудное – оторвать голову от того, что служит на этот раз подушкой, и заставить тело принять вертикальное положение. Выполнив эти сложнейшие гимнастические упражнения, я плавно потекла на кухню.

Как и предполагалось: Абрек, Красавчик, Леший и Патрик. И Нетти, свеженькая и чистенькая, словно и не носилась с нами вчера два часа под проливным дождем.

– Неправда, дело не в самих наркотиках, а в подсознании, в сути человека. Героин или та же 'травка' – просто ключики к разным дверям в мозгу, а что скрывается за этими дверями? У всех разное!

Абрек говорил как всегда горячо и громко. Его голос, отражаясь от разрисованных стен, болью отдавался в не отошедших еще от теплоты сна барабанных перепонках.

– Но почему тогда бывают одинаковые ощущения или глюки? – Реплики Патрика куда более спокойные и негромкие.

– Чаще всего это связано с тем, что люди делятся друг с другом своими ощущениями. И когда один говорит, что видит, к примеру, дырку в стене, то все остальные тоже хотят увидеть это, и услужливый мозг тут же подбирает и подсовывает нужную картинку.

– Не знаю, как 'герыч', слава богу, не пробовала и не буду пробовать, но вот под грибами очень хорошо видно человека, – вступила в разговор Нетти. – 'Тело внутрь ушло, а души, как озими всхожи, были снаружи...' Я за своим МЧ однажды наблюдала. Уверенный в себе, сильный, накачанный мальчик – днем. А ночью, скушав штук двадцать 'элэсдешек', иной совсем. Сила, уверенность в себе – это маски, а в глубине подсознания лежит огромный, свернувшийся клубком шипящих змей, страх.

– Под грибами все ловят 'измены', – заметил Красавчик.

– Отчего же? Мне, например, доводилось испытывать только приятные ощущения, – она улыбнулась не без кокетства. – Впрочем, да, многие ловят. Но слишком силен был контраст: мальчик в обычном состоянии и он же под грибами – два разных человека. Он боялся панически, но вот чего: удара в спину? Предательства? Смерти?.. Я рассталась с ним спустя пару дней из-за этого.

– Ну и дура! – Абрек, как обычно, не церемонится в определениях. – Мало ли что у кого в подсознании. Мне вот иногда сдается, что у меня там какое-нибудь тартарское чудовище притаилось. Какой-нибудь сторукий гекатохойнер. Но это ж не значит, что я плохой человек и со мной рвать надо.

– Брейки, передай мне, пожалуйста, сигарету, – я вклинилась своим заспанным вялым голосом в его торопливый бас.

– Подойди да возьми. Кстати, с добрым утром, Росси! Как спалось?

– А как мне могло спаться между двумя такими девушками? Конечно же, изумительно.

Я кокетливо повела плечами, подмигнула Нетти: мол, нам, старым лесбиянкам, никакие окружающие условия не помеха, и, гордо покачивая бедрами, прошествовала к подоконнику.

– Да уж, наверняка изумительно! – фыркнул Леший. – Спал я и с одной, и со второй на одной кровати. Вижи лягается, а Нетти сопит во сне, как дикий злобный зверек.

– Я – соплю?!!

– Когда это ты спал с моей девушкой?!

Нетти и Абрек завопили одновременно. Абрек сдвинул брови в притворном гневе. (Леший – не тот человек, на кого он может, при каких бы то ни было обстоятельствах, серьезно злиться.)

– Я спал не с твоей девушкой, она просто под боком лежала и периодически пинала меня.

– Наверняка ты ее грязно домагивался, вот она и отбрыкивалась, как могла!

– Я слышу, тут разговор про меня зашел!

В кухню вплыла Вижи. Заспанная, взлохмаченная, в мятой футболке, с розовыми отлежалостями от подушки на детской щеке.

– А вы в курсе, что обсуждение человека без присутствия одного есть сплетничество в наимерзейшей своей ипостаси?

– Вижи, солнце!

Абрек ринулся к ней, но она увернулась от его лап, желая продолжить свой изобличительный монолог. Но мне не дано было его услышать. В этот момент я пыталась взобраться на широкий подоконник, чтобы с его неприступной вышины рассматривать окружающих с гордым прищуром и лениво-благодарной улыбкой. И тут-то меня накрыло. Легкое покалывание в левом виске переросло в волну кромешной боли. Последнее воспоминание: лежа на полу, я пытаюсь свернуться клубочком, чтобы спрятать огромную, взрывающуюся огнем голову между коленей. В голове звучат разросшиеся, объемные, жарко-малиновые строки Абрека, произносимые почему-то спокойным голосом Спутника:

Как научиться не мешать вам жить

и не стонать во сне так жалобно и громко...

Потом я, видимо, потеряла сознание.

Надо сказать, что подобные приступы боли хватали меня за шкварник не в первый раз. Но поход к врачу я откладывала на неопределенный срок, по трем причинам. Во-первых, приступы (начавшиеся два месяца назад) были достаточно редкими, да и длились они не больше пары минут. Накатит, покорежит мой бедный мозг и благополучно схлынет. Во-вторых, мой образ жизни не подразумевал, а скорее наоборот, отрицал наличие не только медицинской страховки, но даже паспорта. И наконец, в-третьих, для лентяйки и пофигистки дойти до больницы – немыслимый труд: это ж сколько лишних движений надо сделать!

Но такого приступа, как сейчас – по силе и длительности, еще не случилось ни разу.

– ...Деточка, да тебе бы к доктору надо!

Я разлепила словно склеенные 'моментом' веки. Надо мной плавно покачивался, весь в паутине мыслей (как выразился когда-то Красавчик) потолок Хижины.

– Я знаю, Брейки.

– Надо не знать, а дойти! – Голос Патрика непривычно агрессивен: видать, перенервничал, когда я брякнулась на пол.

Я шевельнулась, и в мой потолочный экран вписалось перевернутое, но от этого не менее обеспокоенное лицо Красавчика. Гм, кажется, моя многострадальная башка покоилась у него на коленях. Повертев эту мысль так и эдак, я пришла к выводу, что это к лучшему, так даже мягче, и перестала предпринимать попытки изменить положение своей тушки в пространстве.

– Ребята, расскажите что-нибудь! А то вдруг опять накатит, а так хоть отвлекусь.

Я старательно изобразила полузадушенный стон. Это была наглая симуляция, так как чувствовала я себя уже сносно. Но хочется же ощутить себя в центре внимания, хоть ненадолго! Лежать на коленях у симпатичного молодого человека и слушать, как перед тобой распинаются и разглагольствуют, и всё ради того, чтобы твоя футболка, собравшая уже половину грязи на кухне, вновь не стала половой тряпкой.

– Ты слышала, как я под 'травой' Плюша мучила?

Вижи, как всегда, начала первая. Остальные, видимо, еще не отошли от пережитого.

– Нет.

– Так вот. Накурились мы как-то, и он решил меня до дома довести. Так я всю дорогу ему парила, что лошади, стоящие на Аничковом мосту, не обычные, а особой породы: зеленые-бронзовые, и что днем они так просто стоят, а ночью оживают и начинают по Питеру скакать, а тому, кто это увидит, они просто память отрезают.

– А мужики?

– Какие мужики?

– Голые. Которые этих коней укрощают.

Вижи задумалась. На пару секунд, не больше.

– А мужики купаться идут, в Фонтанку. Оттого они и ржавеют так быстро, и то и дело реставрировать приходится. Но главное не это. Плюш – он же под 'травкой' был, как и я, – поверил. И потом, он же мелкий совсем. Дитя. Всё время оглядывался, пока мы шли. И вслушивался. А когда до парадной меня довел – так припустил!..

– Под 'травкой' редко у кого 'измены' бывают. Это тебе не грибы, – глубокомысленно изрек Леший.

– Да, трогательная история, – заметил Красавчик. – Но это фигня. Вот у нас как-то было... Поехали с друзьями на дачу. Как водится, выпили, насобирали 'элэсдешек' и заглотили штук по сорок на рыло. А потом гулять отправились. Подходим к какой-то грязной сточной канаве. Я смотрю на нее, и мне кажется, что через нее мост из лютиков переброшен, неширокий такой, желтенький. Ну, я давай ребятам на него указывать и говорить, что нам по нему надо на другую сторону перебраться, на полянку, поросшую травкой. (Не знаю, чем мне та полянка понравилась, но, видимо, было в ней что-то особенное и манящее, если меня так приплющило.) Самое забавное – они все повелись и начали действительно по моему мосту ползти. Я, как самый умный, замыкал шествие. А с нами киса была одна расфуфыренная, вся в лакированных сапожках и голубых джинсиках с блестками. Она передо мной как раз шла. Доковыляла до середины и как провалится одной ногой в грязь, по колено! Повернулась ко мне с таким выражением, что, если б умела прожигать взглядом, стал бы я в тот момент жалкой кучкой пепла. Но я не растерялся и говорю: 'Солнышко, ты же мимо моста наступила! Правее надо, правее...' А как я шел – это вообще отдельная история из области научной фантастики. Но, что самое забавное, ни разу не провалился!

– Дуракам везет, тем более – дуракам под кайфом! – фыркнул Леший. – Кстати, о везении. Брейки, а Росси в курсе, отчего у тебя спина такая покоцанная?

– По-моему, нет, – я прикрыла глаза, растворяясь в голосах и интонациях.

– Да тут и рассказывать по большому счету нечего, – забасил Абрек. – Я с приятелями, хорошо поддатый, плелся в Хижину. Машина из-за угла, два сальто через голову, удивленная мина водителя: 'Слушай, парень, а ты вообще почему живой?!' И ни одной травмы, только царапины..

Так они болтали какое-то время, а потом, убедившись, что я в порядке (симулировать далее мне не позволила совесть), свалили в 'Трубу'. Кто играть, кто 'аскать', кто просто тусоваться, наслаждаясь летним Питером. Меня как болящую оставили сторожить Хижину.

Я слонялась из угла в угол. Множество самых разных мыслей столь же бесцельно слонялись у меня в голове. Что делать? Ребят раньше двух ночи ждать бесполезно. Дом покидать нельзя: ни у кого нет ключей (кажется, их вообще не существует в природе). Я добрела до кухни и протянула руки над синим цветком горелки: несмотря на духоту, вливавшуюся сквозь заколоченные окна с улицы, меня бил необъяснимый озноб. Отчего-то стало страшно. Сперва легкий холодок пробежал по позвоночнику. Затем затянуло в пучину какого-то животного ужаса.

Словно за моей спиной происходило что-то жуткое, но обернуться не было сил. И так же внезапно – схлынуло.

Я передернула плечами: мдя... так вот и сходят с ума. Чтобы поскорее забыть о пережитом, прихватила с подоконника толстую книжицу и, свернувшись клубочком на матрасе, погрузилась в симпатичные мирки Макса Фрая...

Время, тянувшееся медленно, зашпешило – с приходом укуренного 'в мясо' Патрика. Еще более краснолицый, чем обычно, блаженно жмурящийся и хихикающий, он поделился 'травой'. Затяжка – легкие наполняются жестким, дерущим глотку дымом. Выдох... и голова освобождается от мыслей, от проблем... глупая улыбка растягивает губы, звуки становятся гулкими и зримыми... руки начинают вибрировать, а затем плавно втекают в ручки кресла...

Я не заметила, как вернулись остальные, как зазвенела гитара под пальцами Лешего. Я вслушивалась в себя, всматривалась в переливы собственного настроения. К общению не тянуло, но галдящая толпа вокруг не напрягала, наоборот – приятно подчиняла своему расслабляющему гулу.

Странная все-таки штука – 'травка'. То заставляет парить, то ввергает в пучины своего непознанного 'я'. Начинаешь воспринимать мир не как что-то конкретное и жестко очерченное, а как нечто размытое и ускользающее при попытке понять и присвоить.

Шизофрения расширяет кругозор,

в своем сознании крадусь, как вор...

Меня уносили песни Лешего, я становилась похожей на слова, звучавшие в них – такой же таинственной, бессмысленной и струящейся...

Крепкая маленькая длань опустилась на мое плечо, выведя из сладкого отупения. Грязно-желтые обои, в которые я вперила зрачки, любуясь открывающимися в них мирами, заслонила мордочка Вижи.

– Росси, слушай! Мы с Нетти решили на крышу залезть. Нам тут клевый чердак подсказали, рядышком. Хочешь с нами? Весь Питер под ногами!...

– Пойдем, конечно!

Я привела свое внутреннее пространство в относительный адекват с реальностью, сунула ноги в чьи-то бесхозные кроссовки (свои искать было лень) и выползла вслед за девчонками. Мы пересекли дворик, долго взбирались по узкой и вонючей черной лестнице, взломали ржавый замок и оказались на чердаке, заставленном рухлядью и пыльными банками. Протиснувшись сквозь узкое оконце, вывалились на крышу.

Рождалось утро.

Меня переполняло, разрывало изнутри что-то такое... ТАКОЕ... Хотелось петь и молчать одновременно, плакать и смеяться, сжиматься от непереносимого отчаянья и содрогаться в конвульсиях абсолютного счастья.

'Доброе утро, мой родной, мой любимый, мой единственный! – кричала я про себя, чтобы не тревожить торжественного молчания, царившего в нашей троице. – Я так сильно соскучилась по тебе – хотя вижу и слышу, и чувствую почти каждый миг – все равно умудряюсь скучать. Глупо, правда?.. – Я протягивала руки встающему солнышку, заливавшему розовым золотом все вокруг. – Просыпайся, дорогой. Слышишь? Разлепляй отдохнувшие глаза-площади, расчесывай свалявшиеся за ночь парки-сады, потягивайся затекшими плечами-тротуарами... Как хорошо, как дивно хорошо видеть тебя всего – от стройно-синего великолепия Смольного собора до туманной толчеи кораблей в Гавани, от мрачных кирпичных Крестов до зеленого барокко Нарвской арки... Гранит и мрамор, известняк и базальт – это не твои одежды, а мои оковы, любимейшие кандалы, которые я не поменяю на золотые и серебряные браслеты. Я обо-

жаю тебя! Ты держишь мою душу в плену, а я радуюсь и балдею от этой неволи. Твои чугунные решетки застыт мне белый свет, а я улыбаюсь этим безмолвным стражам моей несвободы. Твои реки и каналы ласковыми удавками обвили мою шею, и в них, как ни странно, легче дышать... Моя любовь к тебе, мой блистательный, мой божественный, мой чертовски обожаемый Питер, в меня не вмещается. Я надеюсь, она хоть чуть-чуть взаимна. Ты слышишь меня и откликаешься на порывы моего сердца – сумасшедшего маленького зверька, что мечется у меня за ребрами...'

Мы стояли достаточно долго, погруженные – каждая в свои мысли и переживания.

Нетти прервала эту идиллию:

– Эй, але, девчонки! Я всё понимаю: отпадно, супер, здорово! – но как бы и кушать хочется. Пойдемте вниз, а?..

– Дура ты – такой миг прервала... – Вижи повела узкими плечами, словно освобождаясь от волшебства, сковавшего нас. – Ну, пойдем, раз ты такая зануда. Росси, ты с нами?

Я задумалась. Побывать здесь еще, продлить чудо – очень хотелось. Но потом спускаться в одиночестве... а если еще и злые соседи обнаружили взломанную дверь на чердак... Нет уж, брр, увольте.

– Я с вами. Как-то нет желания в одиночку общаться с аборигенами, обитающими в этой парадной.

– Я всегда догадывалась, что ты трусиха, – хихикнула Нетти.

– Неправда. Я никого не боюсь – просто берегу свою нежную психику. Сами знаете, как любят нас наши милые соседи. Так наорут, что потом месяц кошмары мучать будут.

Я скорчила самую жуткую рожу из всех, доступных моим мимическим мышцам. И рванулась к чердачному окошку, яростно рыча. Девчонки, повизгивая, ломанулись следом.

– А что у нас сегодня в меню? – любопытный нос Вижи сунулся под крышку аппетитно булькающей на плите кастрюльки. – О, перловая кашка, здорово!!! Кто готовил?

– Абрек, – Красавчик мрачно водил ложкой по поверхности полной миски.

– Ну, тогда кушать можно! Мой мальчик – знатный кулинар.

– Ага, знатнейший, – так же траурно откликнулся Красавчик.

Из нас троих пробу с этого поварского изыска первой решила снять Нетти, как самая оголодавшая. Скривилась... потом мечтательно прикрыла глаза.

– Знаешь, Вижи, я тебе искренне завидую...

– Почему?

– Потому что если верна поговорка о связи влюбленности и пересола, то тебя любят до умопомрачения!

– Да она аж горькая от соли! – Это была уже моя реплика.

Очень хотелось есть, поэтому я не вняла предупреждающим взглядам окружающих и, зачерпнув полную ложку, опрокинула ее в свою крайне нежную (как выяснилось) ротовую полость. О чем тут же сильно пожалела.

– Урод! Скотина! Собака бешеная! – Вижи рвала и метала. – Такую прорву продуктов перевести!!!

– Сама скотина! – Абрек ворвался на кухню, заполнив движущимся собой всё пространство. – Ну, добавь воды – чего барогозишь-то?! – Он подхватил ее на руки. – И вообще, жрать вредно! И вообще, я по тебе жуть как соскучился, кошка драная!..

Очень трогательные взаимоотношения у этой парочки. С воплями: 'Ой, Тони Брексон, Тони Брексон, ай брейк май хат, ай брейк май хат!..' – он потащил ее в сторону самой дальней комнаты. Вижи смеялась и в притворном гневе колотила по обнаженному расцарапанному торсу.

– Солдат не заметил потери бойца, – угрюмо пробормотал Красавчик, щедро разбавляя испорченное блюдо водой.

Он проглотил несколько ложек, запил их холодной заваркой и поплелся спать.

Оставшись в полном одиночестве на кухне, я погрызла сухарь, чудом сохранившийся в хлебнице, мысленно посочувствовала Семен Семенычу и Марфе (не сладко быть крыской при такой-то кормежке) и свернулась клубочком в просторном кресле.

Но вместо дремы давешняя боль подкатила к моему бедному черепу. Правда, не такая сильная и огненно-жгучая. Я стиснула зубы и зажмурилась. 'Ну пожалуйста, пожалуйста, не надо, не сейчас... Уйди, сгинь, пропади!.. На море, на океане, на черном-черном острове растет дуб вековой, под его корнями сундук на тридцати замках... Я запрю свою боль, замкну на все засовы. Пусть голова птиц, пролетающих мимо, болит, пусть гады морские мучаются, а от меня – уйди, уйди к другому, другой, другим... кому угодно...' Я не заметила, как заревела, кутая лицо в колени. Наедине со своей мукой, грызущей изнутри голову, словно лисенок спартанского мальчика...

– Але, Росси, с тобой все в порядке? У тебя что, опять то же самое? Слышишь, отвечай, не молчи!..

Кажется, он держал меня за плечи и тряс, тряс с невероятной силой.

– Уйди, убирайся, оставь меня... – я кричала громко, до эха в собственных ушах, но на самом деле, верно, то был жалкий лепет.

Абрек стиснул мой подбородок, разжал сведенные судорогой зубы и принялся впихивать в рот какие-то таблетки. Я попыталась выплюнуть их, но он мертвой хваткой сжал мне челюсть:

– Глотай, чертова дура, это обезболивающее!..

Потом меня колотила пост-рыдательная дрожь, засохшие слезы щиплющей коркой сковали щеки. Голову медленно отпускало. Абрек, обняв меня одной рукой, другой поглаживал по голове и ласково ругался вполголоса:

– Значит так, деточка: если ты в течение ближайших суток не выберешься к доктору, я лично оттащу тебя, дурищу несусветную, в больницу за шкварник.

– Пойду, пойду, хорошо... А ты чего не спишь, кстати? На кой черт тебя на кухню понесло?..

– Да просто выдалась чересчур жаркая ночь, – он плотоядно улыбнулся, – Вижи уснула, я решил выползти воды попить. А тут ты сидишь – с таким видом, словно уже собрала чемодан, готовясь к длительной поездке на небо.

– Скорее уж в геенну огненную – там меня ждут с распростертыми объятиями.

– Ну уж, не такая ты великая грешница. Максимум – скучное чистилище. До ада нужно дослужиться.

– А ты – ты дослужился до обители вечной скорби?

– Не знаю, – он стал внезапно серьезным, не похожим на себя обычного. – Скорее да, чем нет. На моей душе хватает грехов.

– Я слышала, ты сидел. За что?

– Разве это имеет значение? В общем и целом – за дело. Я не был невинно осужденным. И дали мне ровно столько, сколько заслужил. Или даже меньше.

– А отец и мать тебя поддерживали тогда?

– Отец – да. А матери у меня больше нет. Она отказалась от меня, как только меня осудили. Еще бы – ведь я не оправдал ее надежд. Я был таким золотым мальчиком, учился на журналиста, а тут – бац, и оказалось, что у прекрасного с виду яблока гнилая сердцевина. Она не захотела принять меня такого – подгнившего, не вписывающегося в её стандарты. Ну, дай ей Бог всего самого лучшего и светлого. Знаешь, даже в тюрьме, в глубине самого черного омута я порвал бы глотку любому, дурно отзывавшемуся о моей матушке.

– Да, понимаю. О-ой...

Я попыталась путем злостной симуляции соскочить с опасной темы, заметив нехорошие искорки в потяжелевших серых глазах. Только взбешенного Абрека не хватает мне до полноты жизненного счастья. Нет, меня он не тронет стопудово, но, если еще кто заглянет на кухню, свары не избежать, так как от депрессии он сильно звереет.

– Что?! Опять?..

– Кольнуло чуток... Всё, уже отпустило. Я слышала, вы тут недавно к какой-то мажорке на дачу смотались? Ну, и как съездили?..

– Замечательно! На перроне мы с Вижи смертельно поцапались, а я пьяный в хламину, ну и в итоге она уехала на последней электричке, а я решил в Питере остаться. Потом поси-дел-подумал и зачем-то загрузился в поезд, едущий совсем в другую сторону. Дальше – про-вал. Просыпаюсь неизвестно где, открываю глаза – трехметровый забор с глобальной такой, проникновенной надписью красного цвета: 'Заповедник по выведению лабораторных живот-ных'. Помню, ошалел дико, а в мозгу одна мысль: 'Господи, мамонтов они там, что ли, выводят – чтобы такой стеной от мира отгораживаться?!' Вот так я и съездил к мажорке на дачу... Ты, к слову, спать не хочешь? А то у меня глаза не то что слипаются – не разлепляются уже.

– Хочу, конечно.

Я скрыла досаду: сны – это замечательно, тем более такие, как у меня в последнее время. Но они никуда не денутся, а вот посидеть еще в обнимку за неспешными разговорами с чело-веком, в которого безумно и безуспешно влюблена...

– Ну, вот и здорово. Пойдем к нам в комнату – там свободное местечко у стенок, кажись, осталось.

Сглотнув тяжелый вздох и изобразив на лице благодарную улыбку, я поплелась вслед за Брейки к своему сегодняшнему спальному месту.

Закрыв глаза, приготовилась ко встрече со Спутником.

И она не заставила себя ждать. На этот раз декорациями к ночной беседе (или очередному нравоучению – это уж как получится!) служили стены обыкновенной квартиры. Я опасливо покосилась на окно: стандартный пейзаж... странно. А где чудеса?

Герой моих снов раскинулся на низеньком диване, поджав под себя одну ногу и шевеля босыми пальцами другой. Черный шелковый халат с алыми драконами, как водится, замыз-ганный и порванный, был перевязан плетью с серебряными шариками на концах. Короткая ручка плети лежала на его вытянутой ноге. Ну и, естественно, маска на... все-таки склоняюсь к мысли, что лице.

– А каких чудес ты ждешь, деточка?

Он так точно скопировал интонации Абрека, что я вздрогнула.

– Прекрати! Ты прекрасно знаешь, как мне это не нравится!

– Не нравится – что? Когда я подражаю интонациям близких тебе людей?

– Нет, когда ты суешься в мой внешний мир! Ты – мой бред, моя галлюцинация, пускай, я с этим смирилась. Но не смей копировать реально живущих созданий – иначе я окончательно разуверюсь в своем душевном здоровье.

– А что есть реальность, маленькая? Я снюсь тебе. А может быть, напротив: ты снишься мне? Или мы оба снимся какой-нибудь сложноорганизованной протоплазме из другой галак-тики. И чьи ощущения более правдивы и точны?..

– Ой, только не надо притч о китайском мудреце и бабочке – слышали, проходили... Знаешь, мне сегодня было так больно, а потом так страшно, а потом опять больно. За что мне это?

– Мы все виноваты перед чем-то или кем-то. Или будем виноваты, или были – когда-то давно. Так давно, что уже не помним об этом. Взгляни сюда!

Он спрыгнул с дивана и оказался возле чего-то огромного, закрытого черным покрывалом.

– Подойди, не бойся!

Он сдернул ткань. Под ней скрывалось большущее зеркало. Как загипнотизированная, я шагнула к нему. Сначала я ничего не видела, кроме собственной мордахи с грязными подтеками от высохших слез. Потом картинка начала меняться... Размеренный голос Спутника комментировал увиденное.

'...В самый разгар 'алых' времен, когда Крылатые и Сыны Бездны сшибались в яростных схватках и небо наполнилось их криками, а земля стонала от переполнявших её недра поверженных тел – случилось это.

Самыми сильными из людских племен считались двэллы. Высокие, статные, они называли себя любимыми первенцами Гармонии. Их столица Ларэт по праву именовалась лучшим городом мира. Белоснежные здания, статуи Гармонии из бирюзы и нефрита, величественный дворец Правителя, окруженный каскадом искусственных водопадов... Город был не только прекрасен, но и неуязвим. Единственный из всех городов этого мира, он был способен устоять и под натиском эндорионов, и под испепеляющим дыханием стальных драконов, оседланных ит-хару-тего.

В давние времена двэлльские маги сотворили вокруг столицы купол чистой энергии, не позволявшей никакому злу и разрушению проникнуть за его пределы. Каким образом поддерживалась эта энергия на протяжении столетий – держалось в тайне. Поговаривали, что где-то в подвалах дворца заключен Великий (Крылатый или Сын Бездны), и именно благодаря его силе держится купол. Ведь известно, что Великие живут почти вечно, и энергия, подаренная им Изначальными Силами, неисчерпаема. Единственное, что вызывало недоумение – каким образом смогли заставить Великого расставаться со своей силой? Удержать-то можно – кандалы и цепи из арвэйса, черного металла из земных глубин, ни порвать, ни расплавить нельзя, но одно дело – пленить, и совсем другое – заставить трудиться на благо хозяина.

Но тайна эта была ведома лишь Правителю и, может быть, паре-тройке придворных магов, а всем остальным приходилось довольствоваться домыслами и слухами и любоваться куполом, прозрачным, с нежно-радужными переливами: изнутри – с благоговением и гордостью, снаружи – с завистью.

В темном кресле из железного дерева, откинув назад седую голову, прикрыв усталые глаза набрякшими веками, сидел в глубокой задумчивости Правитель двэллов, господин Ларэта и всех окрестных земель, прозванный в народе Таордом Могучим: за ширину плеч, громовой голос и количество женщин, посетивших его постель. Недалекий, прямой, любящий хорошо поесть и вдоволь повеселиться с придворными, Правитель первый раз в жизни был в тупике. Через двенадцать дней – праздник Завершения, на котором он должен будет снять с себя обруч Правителя и назвать имя преемника, одного из сыновей. Согласно законам гордых двэллов, править ими может только могучий и сильный, и не более тридцати лет. Далее – почет и покой на окраине страны, на берегу теплого моря. Душой Таорд давно уже был там: слушал шелест волн, дремал под сенью деревьев – годы правления истомили его. Хотелось тишины и бездействия.

Но была одна проблема, острая, словно больной зуб. Кому оставить корону, а с ней и власть над огромной страной, и тайну, сокрытую в глухих подвалах, запертую на надежные засовы? Младший сын, умный, отважный и благородный сердцем, тот, на кого отец возлагал все надежды, пропал три года назад, отправившись в странствие. Старший же сын, Вильер, родился на свет проклятым Изначальными Силами: лицом и телом мужчина, умом же – пятилетний ребенок. Конечно, можно назначить наследником и слабоумного – лишь бы его сох

– правая рука и помощник, был мудрым и благородным. И если Правителем может быть лишь мужчина, то сохимо – и дева, главное – чистота ее крови и принадлежность к его семье. Семь дочерей было у Могучего, и сейчас он размышлял, кого из них наделить властью, кто сумеет достойно повелевать и сохранит главную тайну их дворца.

Симерэль было от роду всего пятнадцать. Но за два дня она повзрослела на десятилетие. Позвав ее в свой кабинет и усадив напротив себя, отец поведал ей, что через двенадцать дней она станет правой рукой (а по сути – головой) своего брата-Правителя.

– Но почему я? – спросила девушка удивленно и огорченно. – Веллора умнее и красноречивее меня, а Сэтха сильнее характером. И даже юная Роян намного серьезнее.

– В тебе есть милость и мудрость, дитя мое. Опыт придет, и серьезность появится в силу большой ответственности, но, не будучи милостивым, даже самый благородный двэлл не может стать истинным Правителем. Ведь его сердце не будет болеть, когда будет страдать его страна, и глаза его останутся сухими даже в час, когда реки крови заструятся по долинам и лугам, по которым он бегал ребенком.

Девушка долго спорила – ей совсем не хотелось менять свободу юной принцессы на золотые цепи при слабоумном брате-Правителе. Но вдруг согласилась, как выдохнула – взглянув на усталые складки у губ отца и его скорбный взор. Таорд поцеловал ее, желая доброй ночи, и велел прийти на следующий день на закате солнца – чтобы он показал ей то, что должен знать Правитель.

Темный узкий коридор, холодные стены, низкий потолок. Тихо... и страшно, оттого что так тихо.

– Куда мы идем, отец? – спросила Симерэль жалобно.

Она демонстративно спотыкалась через каждый шаг – шелковые туфли не предназначены для походов по сырым туннелям, им бы ковер из нежной шерсти или отполированный пол бальной залы.

– Скоро, скоро, мой свет, вот уже дверь. Сейчас мы за ней посидим, побеседуем, а потом – дальше. Но там уже совсем близко.

Они вошли в маленькую укромную комнатку. Слуга, следовавший за ними, поставил на стол зажженный светильник и удалился. Девушка забралась с ногами в одно из старых кресел и вопросительно посмотрела на отца.

– В эту тайную комнату тридцать лет назад привел меня мой отец, а его – мой дед, и так далее, – степенно начал Таорд, опустившись в кресло напротив. – Знаешь ли ты, почему процветает наш город, несмотря на то, что весь остальной мир то и дело орошается реками крови?

– Да, конечно. Нас охраняет чудесный купол, дарованный Гармонией, как самому отважному и достойному из людских племен. Это знают все.

– Не совсем так. Не для каждого – настоящее знание. Слушай же, Симерэль. Полтысячи лет назад, как и сейчас, земля наполнилась яростью и болью. Гармония покинула ее, Изначальные Силы раздирали своей враждой, Крылатые и Сыны Бездны в вечной бойне плавил небо и превращали в пустыни цветущие луга и поля, и люди, которых они не замечали, становились их случайными жертвами. Двэллы были такими же, как и все. Как и другие племена, они прятались по ущельям и чащам, едва слышав шелест крыльев в небе и боевые выкрики. Так же строили они дома из веток и камыша – чтобы не жалко было разрушенное упавшим с неба ледяным копьём или подожженное огненным бичом жилище. Только маги у двэлльского народа были умные и хитрые. Долго раздумывали они, как обезопасить себя и своих близких, но удача, как говорится, рухнула прямо с неба. Ларэт, будущий Правитель города, названного в его честь, был застигнут в горах очередной небесной схваткой. Воздух лопался от криков

Крылатых и Сынов Бездны, окрестные скалы плавились под ударами огненных бичей. Забившись в узкую расщелину, Ларэт молился Гармонии – чтобы защитила, пронесла беду мимо. Раздался особенно сильный грохот – замершему двэллу показалось, что на него рухнул небосвод. И все затихло.

Выждав какое-то время, Ларэт выполз из своего укрытия и тут же чуть не рванулся обратно. В трех шагах от места, где он обрел приют, огромной мертвой тушей распростерся стальной дракон – ездовое животное и верный друг ит-хару-тего. Значит, поблизости и его хозяин. Тоже мертвый? Вряд ли – Великих почти невозможно убить. Тем ужаснее и бессмысленнее была их извечная вражда, в которой случайными жертвами становились, главным образом, люди, которых Великие не удостоивали своим вниманием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.